

75 лет со дня смерти Н. В. Гоголя

1852—4 марта (21 февраля)—1927 г.

Гоголь

Мы все еще продолжаем сжигать Гоголя, как некогда сжег он сам себя. Со времени знаменитого письма Белинского, за одно хранение которого николаевские жандармы сослали на каторгу, спор о «настоящем» Гоголе, казалось, был решен для передовой интеллигенции навсегда.

Н. В. Гоголь.

С рис. К. И. Раббуса.

В действительности Гоголь «Переписки», сжегший Гоголя «Мертвых душ», не умер. Белинскому не удалось убить его совершенно. Есть два Гоголя, один сжигающий — символ реакции, другой, горевший, — символ освободительного движения. Революционная Россия считала своим вторым Гоголем, того, который в бессмертной комедии вызвал из тьмы, куда никто не заглядывал, николаевскую Россию, по выражению Троцкого, «взворошил, поднял, обнажил и сделал задачей для мысли и вопросов, для совести, все, что сложилось столетиями, скрепилось привычкой, покрывшись многовековой пылью, увенчалось мистической санкцией».

Но этого революционного Гоголя сжигала не раз при помощи другого Гоголя мистика и фантаста. Борьба между двумя толкованиями великого писателя была всегда борьбой между двумя умонастроениями в русском обществе. Когда Мережковский в своей книге «Гоголь и чорт» прославил мистического Гоголя, когда скульптор Андреев воздвиг ему монумент на Пречистенском бульваре, когда в наши дни его возродил Мейерхольд, это всегда являлось верным показателем прилива мистических и индивидуалистических волн, симптомом отлива в известных кругах социального пафоса, свидетельством временного торжества упадочных настроений.

И совершенно неважно, как назовем мы этого второго Гоголя. Не имеют значения академические споры о том, фантастика или мистика воцарились на сцене мейерхольдовского театра. Важно другое. Один Гоголь звал к революции учреждений, к уничтожению мертвящего режима, к взрыву устаревшей формы общественных отношений. Другой — к созерцанию сво-

его собственного внутреннего мира, к пересмотру того, что таится в самых скрытых уголках индивидуальной души, к революции совести и сознания.

Назовите это фантастикой или мистикой — не в том дело. Мы знаем, каким классам служила каждая из двух форм борьбы. Пусть постановка Мейерхольда прекрасна, пусть она исторически оправдана, пусть даже сам Гоголь ее был одобрил, это ничего не меняет. Был Гоголь — автор страшной повести о чиновничьей и помещичьей Руси, о романовском сапоге, триста лет давившем великую страну. И был другой Гоголь — узкий моралист, не нашедший выхода, метавшийся среди кошмаров и фантастических видений.

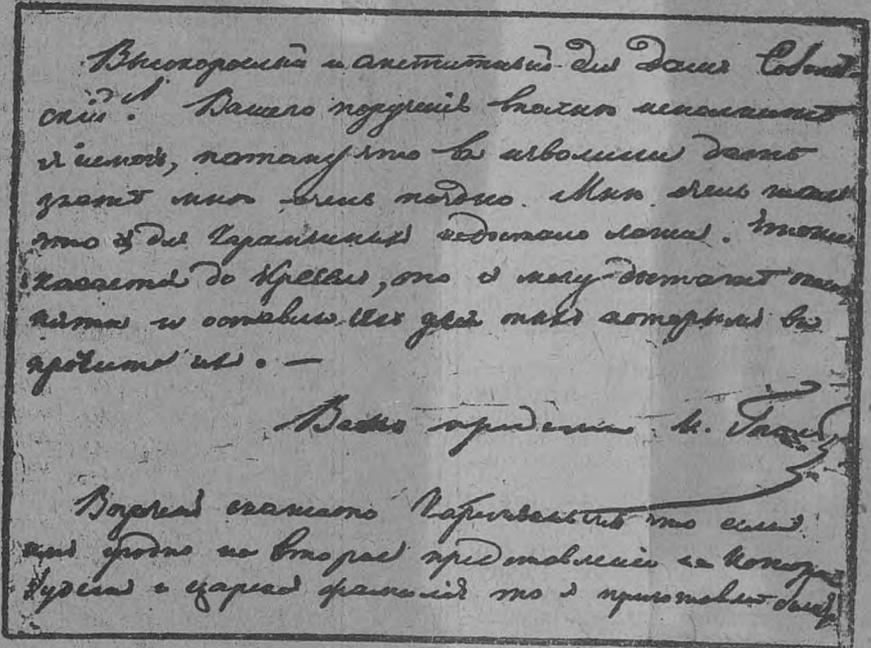
До сих пор никто не пытался связать этих двух, столь несходных героев. Казалось, между ними нет примирения. Одни прощали ему его общечеловечность, другие — его мистицизм, из уважения к его таланту. Но Гоголю повезло больше других наших классиков. Объяснение «разрыва» нужно искать не в психологии его, а в социальной обстановке его времени. В своей замечательной работе о Гоголе В. Ф. Переверзев устанавливает связь между двумя стихиями в его творчестве, возникшем в эпоху распада поместно-патриархальных устоев под влиянием денежно-меновой культуры. На основании ранней повести Гоголя о Ганце Кюхельгартере автор указывает, что Гоголю была свойственна тоска та же, что и Пушкину, и Лермонтову. Но поэты крупно-поместной светской среды могли отыскать в этой среде «интересного спутника», Онегина или Печорина, который послужил для них реальной связью, ведущей к экзотическим экскурсиям. В этих героях было много обаяния и красоты. А из той среды, которая питала гений Гоголя, тоскующие натуры попадали не на Кавказ и не в степи, а чаще всего в какой-нибудь департамент, где они встречали ту же слякоть, от которой рвались убежать, покидая провинцию. Вот почему не легко найти связь между гоголевской фантастикой и его бегством от пошлой действительности.

Отсюда пушкинская гармония и гоголевский провал.

Три четверти века отделяют нас от трагического финала этой замечательной жизни. Борьба за Гоголя не кончена, потому что не завершилась борьба социальная в самой жизни нашей. Но с ростом основных тенденций нашего революционного времени все более тусклым будет становиться образ творца «Переписки»; все ярче и ближе — великий обличитель трехсотлетнего позора нашего, смытого октябрьской бурей.

П. С. КОГАН

Неизданное письмо Н. В. Гоголя

Воспроизведенный здесь неизданный доселе автограф Н. В. Гоголя представляет собой письмо к Сергею Александровичу Соболевскому (род. в 1803 г. — умер в 1870 г.).

Один из ближайших и долготелых друзей А. С. Пушкина, Соболевский заслуживает упоминания, как исключительная во многих отношениях фигура. Его облик проступает во многих литературных и общественных группировках тогдашнего времени, начиная с декабристов и кончая библиографическими кружками Европы и России.

Будучи на плохом счету у николаевского правительства, не принятый поэтом в университет, Соболевский почти всю жизнь провел за границей. Его бурный темперамент, громадный рост и обаятельные манеры, обширные познания и совершенное обладание всеми европейскими языками, долгое время были предметом восхищенного внимания, которым он пользовался в гостинных Мадрида, Парижа, Рима, Турина и Лондона. Его похождения с Проспером Мериме, автором «Кармен», необычайно увлекательны, равно как увлекательны рассказы о том, как просто и легко он ликвидировал две дуэли Пушкина, не состоявшиеся благодаря его вмешательству.

К сожалению, как большинство тогдашних русских талантов, он разменял свою жизнь на тысячи эпизодов и не собрался даже записать, как следует, свои острые и меткие эпиграммы.

Именно ему Растопчина посвятила строки:

Неизвестный сочинитель
Всем-известных эпиграмм,
Лжи и вычуров гонитель,
Враг всем дурам, всем глупцам...

Настанет время, когда роль Соболевского в нашей литературе, и особенно то гениальное посредничество, которое он невольно осуществил в деле сближения русской и французской литературы, будут оценены полностью. Через него Пушкин обращался к французскому автору «Славянских песен». Его советами Проспер Мериме пользовался в выборе и любовном изучении русских авторов. Через него Мериме впервые узнал Гоголя; они вместе читали его в Париже, в результате чего появилась статья Мериме о Гоголе в 1851 г. (правда, свидетельствующая о том, что Мериме не сошелся во взглядах на Гоголя со своим учителем).

Гоголь виделся с Соболевским незадолго до отъезда последнего за границу в 1836 г. (лучший биограф Соболевского В. И. Саитов датирует этот отъезд январем

1836 г., но приводимый нами гоголевский автограф устанавливает более позднюю дату, именно апрель—май).

В прилагаемом письме Гоголь отвечает Соболевскому по адресу в Петербурге «на углу Летней, Конной и Рождественской в доме Бартынского». Почтовый штампель «17 апреля. Городекая почта».

Гоголь пишет:
«Высокорослый и аппетитный для дам Соболевский! Вашего поручения вполне исполнить я не мог, потому что вы изволили дать знать мне очень поздно. Мне очень жаль, что для Карамзиных не достало ложи. Что же касается до кресел, то я могу достать около пяти и оставляю их для тех, которым вы прочли их.

Вам преданный Н. ГОГОЛЬ.
Впрочем, скажите Карамзиным, что если им угодно на второе представление, на котором будет и царская фамилия, то я приготовлю билет».

Насмешливое обращение Гоголя, показывающее его огромную наблюдательность, указывает на близость между ним и Соболевским. Гоголь отмечает его большой рост и комически трактует его привлекательность для светских дам, о которой так много говорили тогда в Петербурге.

Гоголь посмеивается над галантностью Соболевского, в дневниках которого постоянно упоминаются театральные билеты для молодых дам, и здесь Соболевский устраивает, через Гоголя карамзинскую молодежь, с которой был дружен и за которой ухаживал, как в Париже, так и в Петербурге; ему хочется устроить их в ложу Александринского театра на первое представление гоголевского «Ревизора», которое должно было состояться через два дня, т. е. 19 апреля 1836 года.

Приписка Гоголя может говорить о двух вещах: быть может, ему хотелось не без некоторого удовольствия отметить такое событие, как появление в театре на его пьесе «парской фамилии», а, быть может, и это скорее всего, ему хотелось сохранить пять кресел партера для кого-нибудь еще, а Карамзиным посулить «представление с царской фамилией».

Собранилась записка Гоголя к Соболевскому, также неопубликованная: «Очень жалею, что не застал дома. Зайду вечером. Н. Гоголь».

Соболевский сделал на ней надпись: «Неаполь 1847 г.».

Свидетельства о встречах Гоголя и Соболевского в Италии, эта записка, сопоставленная с целым рядом других писем, приводит нас к некоторым заключениям, о которых будет сказано в другой раз и в другом месте.

А. К. ВИНОГРАДОВ